

внимание уделялось формированию образа вождя — сначала Ленина, а затем Сталина. Когда земная бренная жизнь Ленина прекратилась, и он стал нетленным богом-вождем, над его гробом Сталин произнес клятву высоко нести знамя Ленина, служить великому делу и укреплять диктатуру пролетариата. Теперь он за все в ответе, он — вождь.

Вождь — это собирательный эпический образ отца народов, заботливого, взискательного учителя и наставника, к которому обращались с письмами и воззваниями в определенной стилистике. Владимир Ильич Ленин становится главным символом Советского государства. Сталин сам очень внимательно следил за тем, чтобы его покровитель всегда напоминал гражданам, кто он такой и кто занимает его место на грешной земле. Не забывал Сталин и о себе, но Н. С. Хрущев безжалостно расправился с изображениями своего бывшего наставника и идейного отца.

Изображение вождей имело свои каноны, воспринятые из предыдущих тоталитарных эпох и переделанные на новый коммунистический лад. Вождь предстал уверенным лидером, знающим, что делать и куда вести массы. Протянутая рука указывала единственный правильный для всех путь. В редких случаях вождю позволялось размышлять над судьбами народа или представлять в окружении детей, будущих проводников коммунистических идеалов. Кроме того, образ Ленина также формировался как образ мудрого и любящего дедушки всех детей страны, хотя на момент кончины вождю было всего 56 лет. Сталина изображали как мудрого отца, который не спит по ночам, думая о судьбах народа и страдая от того, что ему приходится иногда быть строгим и наказывать своих детей, не умеющих принимать правильные решения.

Следует отметить еще одно различие между ленинской и сталинской иконографиями. Ленина часто изображали очаровательным белокурым ребенком, умным, добрым, чуть

шаловливым, серьезным отроком-пророком, раскрывшим глаза своей матери, брату и сестрам на будущее человечества. Сталин же не разрешал себя показывать ребенком или подростком, особенно в виде городской скульптуры, в дворцовых рельефах или мозаиках. Он сразу появился на этой многострадальной земле великим и мудрым. В данном процессе формирования мифа нет ничего уникального, такое толкование весьма характерно для тоталитарных культур разных эпох.

Сталину и Ленину как вождям требовалось изображение масс, ликующих или шествующих в заданном направлении. Ощущение вечности существующего строя делало всякое движение застывшим и неизменным на века. Сама тема «псевдодвижения» вперед занимала художников и скульпторов, и такие изображения встречаются очень часто. В этом особенно заметно прослеживается связь со стилистикой египетского искусства, где людской поток тоже застывал на месте.

Еще два легко узнаваемых типажа — это женщина-крестьянка, олицетворявшая коллективизацию и плодородие, и молодой мужчина — индустриализацию и героику ежедневного труда. С начала 30-х годов изображения рабочего с молотом или отбойным молотком и колхозницы со снопом заполняли фасады возводимых сооружений. Непобедимые боги-громовержцы, Перуны с молотами, а также богини урожая и плодородия заложили основу советской иконографии, божественного пантеона, статичного и незыблемого, символизирующего вечность существующего строя и близость коммунистического рая.

Женщина-колхозница, всегда крепкая и мускулистая, с колосьями или тыквами, гроздьями винограда или ведром молока, являлась носителем многих агитационных идей. Новую освобожденную женщину начали показывать как истинную героиню, богиню труда, культуры и спорта. Она теперь свободна от буржуазного быта, становится полноправным чле-